

Адаптация японо-американского альянса к вызовам нового столетия: успехи и неудачи

О.Г. Парамонов

В статье рассматриваются основные события японо-американского диалога в военно-политической сфере в контексте адаптации японо-американского Союза безопасности (далее – Союз безопасности) к изменениям международной среды безопасности в начале XXI века. В данный период стали особенно заметными стремление Токио к использованию возможностей Союза безопасности для повышения роли Японии в глобальной и региональной политике, а также попытки сформулировать собственные национальные интересы через совместные документы, принятые в рамках Союза безопасности. Между тем, на этапе практической реализации заявленных общих целей и задач японская сторона столкнулась с серьезными проблемами, обусловленными рядом причин.

Юкио Хатояма, занимавший тогда должность премьер-министра Японии, в день пятидесятилетия подписания Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией от 19 января 1960 г. (далее – Договор безопасности), который положил начало японо-американскому союзу безопасности, обнародовал соответствующее заявление¹. В нем он подчеркнул, что «японо-американские договоренности в области безопасности обеспечили не только безопасность Японии, но также безопасность и процветание всего Азиатско-Тихоокеанского региона»². По мнению Ю. Хатоямы, без преувеличения можно было утверждать: «Благодаря японо-американским договоренностям в области безопасности, Япония в период после завершения Второй мировой войны по настоящее время обеспечила себе мирное существование в условиях свободы и демократии, добилась успехов в экономическом развитии»³.

Премьер-министр также объявил о намерении японской стороны работать совместно с американскими партнерами в целях адаптации союза безопасности к новым изменениям международной среды безопасности, пообещав представить итоги данной работы до конца 2010 года. Меж-

ду тем, Демократическая партия Японии (ДПЯ), одним из лидеров которой являлся Ю. Хатояма, активно использовала в предвыборной кампании наиболее чувствительную для своих оппонентов из Либерально-Демократической партии Японии (ЛДПЯ) тему японо-американских отношений, заявляя об излишней подчиненности Японии в вопросах безопасности интересам американского союзника. В том числе и по этой причине, ЛДПЯ, которой Союз безопасности обязан своим появлением и развитием, потерпела фиаско на парламентских выборах в 2009 г., то есть накануне пятидесятилетнего юбилея своего главного внешнеполитического проекта.

Говоря о вкладе ЛДПЯ в укрепление Союза безопасности в начале нового столетия, необходимо подчеркнуть, что наиболее значительные успехи были достигнуты в «эпоху Коидзуми» (период 2001–2006 гг.)⁴. Дзюньитиро Коидзуми последовательно отстаивал свою позицию по вопросам внешней политики Японии, заключавшуюся в отсутствии у Токио альтернатив укреплению японо-американского альянса. Кроме того, одну из своих стратегических задач в области внешней политики Дз. Коидзуми видел в использовании возможностей Союза безопасности для повыше-

Парамонов Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, сотрудник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС). E-mail: paramonov_og@rambler.ru

■ Международные отношения

ния роли Японии в глобальной и региональной политике. Японская сторона, как будет показано ниже, стремилась сформулировать собственные национальные интересы через двусторонние документы, разрабатываемые в рамках Союза безопасности, стараясь получить от американского союзника политическое «прикрытие» для собственных инициатив.

Исходной точкой японо-американского диалога по адаптации Союза безопасности к вызовам нового столетия стал декабрь 2002 г. Главы дипломатических и военных ведомств обеих сторон провели встречу в формате заседания важнейшего институционального органа альянса – японо-американского Консультативного комитета по вопросам безопасности⁵ (далее – Консультативный комитет безопасности). По ее итогам было принято Совместное заявление от 16 декабря 2002 г.⁶ Старт активной стадии консультаций пришёлся на конец 2004 г. Пауза отчасти была связана с проведением сложных переговоров между Вашингтоном и Сеулом по вопросу реорганизации структуры американского военного присутствия в Республике Корея.

Прежде, чем перейти к описанию диалога по вопросам безопасности между Вашингтоном и Токио в первом десятилетии XXI века и анализу его итогов, представляется целесообразным подчеркнуть специфику подходов Токио к формированию собственной политики в области безопасности⁷. Эта специфика заключалась в отсутствии заинтересованности в разработке программных документов в области внешней политики. Свою роль в этом играла также неготовность либо нежелание сформулировать собственные национальные интересы⁸ и обозначить источники новых и традиционных угроз для безопасности страны. Речь здесь не идёт о полном отсутствии у Японии подобных документов. Проблема в том, что разработанные японским правительством и военным ведомством немногочисленные документы такого рода⁹ носят излишне компромиссный характер и, по мнению сегодняшнего поколения японских экспертов¹⁰, не идут ни в какое сравнение с аналогичными документами, регулярно разрабатываемыми, в частности, в США, России или КНР.

Первые серьёзные попытки исправить данную ситуацию начинают предприниматься в начале нынешнего столетия, когда группа экспертов ЛДПЯ, а также группа личных советников Дз. Коидзуми, известная как «комиссия Араки» (по имени возглавлявшего её Хироси Араки), приступили к разработке рекомендаций¹¹ для изменения японской политики в области безопасности, изданных в 2004 г. в форме соответствующих докладов¹².

Часть предложений, содержащихся в вышеуказанных докладах, легла в основу утверждённых кабинетом министров в декабре 2004 г. «Основных направлений программы национальной обороны»¹³ (далее – «Основные направления от 2004 г.»), а также использовалась в процессе разработки японо-американских программных документов, касающихся расширения сотрудничества в воен-

но-политической сфере. В «Основных направлениях от 2004 г.» впервые были названы государства, чья военная политика вызывает озабоченность у японской стороны – КНР и КНДР¹⁴.

Документ, определявший оборонную политику Японии на десятилетний период¹⁵, в качестве важнейших моментов, угрожающих безопасности Японии, указывал на программу разработки ядерного оружия в КНДР, проблему распространения технологий производства баллистических ракет, а также нерешенность вопроса о будущем Корейского полуострова. Для Сил самообороны предлагалась более активная роль в миротворческих и подобных им операциях в широких географических границах для обеспечения более высокого уровня поддержки США. «Основные направления от 2004 г.» по своему содержанию вышли за пределы вопросов обеспечения защиты Японии от военной агрессии и могли рассматриваться как первый японский программный документ, в значительной степени отвечающий современным критериям политики безопасности.

Кроме того, в ноябре 2004 г. главы военных и внешнеполитических ведомств обеих стран приступили к переговорам, направленным на разработку конкретных предложений по адаптации альянса к изменениям как самой международной среды безопасности, так и подходов обеих сторон к вопросам её обеспечения. При этом предполагалось, что на первом этапе стороны определят новые стратегические цели альянса, после чего приступят к проработке конкретных шагов, направленных на их достижение.

Что касается реализации первого этапа, в феврале 2005 года главы внешнеполитических и военных ведомств обеих сторон (Кондолиза Райс и Дональд Рамсфельд – с американской стороны, Нобутака Матимура и Ёсинори Оно – с японской) провели в Вашингтоне встречу в формате заседания Консультативного комитета безопасности. По итогам встречи было представлено Совместное заявление Консультативного комитета безопасности от 19 февраля 2005 г.¹⁶, которое можно считать первым программным документом альянса, принятым в XXI веке¹⁷. Данный документ обычно упоминается как «Общие стратегические цели» по названию одного из его разделов.

В новом японо-американском документе, который должен был способствовать эволюции альянса от «ориентированного на угрозы» к «ориентированному на интересы», были впервые сформулированы общие для участников альянса интересы. Одновременно также были предложены обусловленные общими интересами задачи и цели двустороннего партнёрства не только на региональном, но и на глобальном уровнях. Кроме того, в компетенцию Союза безопасности официально включается проблематика, связанная с противоракетной обороной¹⁸.

В том, что касается проблем региональной безопасности, можно проследить определённую преемственность между принятой в 1996 г. японо-американской «Совместной декларацией о

союзе безопасности на XXI век»¹⁹ и «Общими стратегическими целями». В новом документе содержался развернутый перечень региональных проблем, отнесенных к компетенции Союза безопасности, некоторые из которых могли напрямую затрагивать интересы соседних с Японией государств, например:

- поддержка процесса мирного воссоединения на Корейском полуострове;
- поиск мирного решения для всего комплекса проблем, связанных с Северной Кореей;
- развитие конструктивных отношений с КНР и позитивное отношение к возможности для этой страны взять на себя более ответственную и позитивную роль как на региональном, так и на глобальном уровне;
- поддержка разрешения Тайваньского вопроса мирным путём;
- содействие повышению транспарентности военной программы КНР;
- содействие вовлечению России в конструктивные процессы, происходящие в АТР;
- полная нормализация российско-японских отношений посредством разрешения территориальной проблемы²⁰;

Планы США и Японии по переводу отношений в рамках Союза безопасности в глобальное политическое измерение, заявленные в «Общих стратегических целях», к 2005 г. уже были подтверждены конкретными действиями: обеспечением морскими Силами самообороны тыловой поддержки антитеррористической операции в Афганистане и участием сухопутных и воздушных Сил самообороны в постконфликтном урегулировании в Ираке. Стороны фактически признали то обстоятельство, что их сотрудничество вышло за рамки Договора безопасности, предложив рассматривать данный договор в качестве «стержневой основы» обновлённого Союза безопасности²¹.

Необходимо отметить, что принятие «Общих стратегических целей» – документа, сопоставимого по своей значимости с «Совместной декларацией о союзе безопасности на XXI век»²², состоялось в рамках Консультативного комитета безопасности, то есть не потребовало участия первых лиц государств. Это свидетельствовало о намерении сторон перенести стратегический диалог по вопросам безопасности на уровень институциональной основы альянса²³.

Что касается экспертных оценок «Общих стратегических целей», то данный документ рассматривался как своеобразный «мост» между Основными направлениями и заявленной в 2001 г. новой военной стратегией администрации Дж. Буша–мл. Ясуо Окуси (эксперт японского Центра оборонных исследований) предположил, что в «Общих стратегических целях» было чётко заявлено о единстве в понимании угроз и формулировании стратегической политики, основанных на анализе изменений среды безопасности в АТР, произошедших за последние годы. Эксперт оценил его как генеральную линию для дальнейшего

развития двустороннего сотрудничества в области безопасности²⁴.

По мнению американского эксперта Джеймса Счэффа, с точки зрения национальных интересов США очень важным явилось то, что Япония постепенно начала становиться партнёром США в борьбе против международного терроризма и в ликвидации условий для его распространения, причём не только на Ближнем Востоке, но и в Индонезии и на Филиппинах. Этот выбор Японии был самостоятельным и осознанным. Учитывая вклад Японии в поддержку операций США в Афганистане и Ираке, в Вашингтоне ожидали, что встреча в феврале 2005 г. станет важным этапом в деле построения более тесных отношений в сфере международной безопасности.

Успех первого этапа двустороннего диалога, направленного на выработку стратегических задач, продемонстрировал готовность Токио перейти к выстраиванию более симметричных отношений в рамках альянса. Тем не менее, при попытке перейти к новому распределению ролей в рамках альянса, выяснилось, что в Касумигасэки²⁵ существуют серьёзные разногласия по вопросам практической реализации заявленных целей. Так, если значительная часть политического истеблишмента была настроена достаточно решительно, существовала и другая точка зрения, согласно которой главным практическим достижением двустороннего диалога должны были стать окончательные договорённости об оптимизации структуры американского военного присутствия в Японии.

Такие различающиеся мнения возникли из-за того, что в качестве одного из ключевых компонентов новой американской военной стратегии было заявлено создание высококомобильных ударных групп (так называемых единых сил). Это обуславливалось определённым сокращением американских военных контингентов на территориях союзных государств²⁶. Подобные планы вызвали у определённой части японской элиты ожидания, связанные с использованием диалога для решения, прежде всего, проблемы устранения неудобств для японцев, проживающего рядом с американскими военными базами. При этом явно прослеживалось стремление избежать принятия более серьёзных обязательств и рисков. По мнению сторонников подобного подхода, для обеспечения безопасности Японии вполне достаточно возможностей американских сил, размещённых на Гуаме и Гавайях²⁷.

В соответствии со сложившейся практикой японо–американского диалога по проблемам безопасности, в качестве следующего шага, направленного на практическую реализацию новых стратегических задач, следовало ожидать появления новых Руководящих принципов для Союза безопасности²⁸.

Но по мере перехода к стадии практического воплощения в жизнь заявленных целей и задач, становились все более заметными недостатки взаимопонимания с партнерами и отсутствие у Токио необходимой инициативы. Новые задачи требовали от японской стороны новых военных усилий,

■ Международные отношения

так как использование передовых технологий не могло в полной мере компенсировать сокращение американского военного контингента в Японии.

В итоге, стороны не стали пересматривать «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны» от 23 сентября 1997 г.²⁹ (далее – «Руководящие принципы»). Тем не менее, идея перераспределения обязанностей между США и Японией в рамках двухстороннего сотрудничества в сфере безопасности была отчасти реализована путём разработки и принятия 29 октября 2005 г. в рамках Консультативного комитета безопасности промежуточного доклада, получившего название: «американо-японский союз: трансформация и реорганизация для будущего»³⁰ (далее – «Доклад от 29 октября 2005 г.»).

«Доклад от 29 октября 2005 г.» не заменяет принятые в 1997 г. «Руководящие принципы», а интегрирует их в систему двустороннего взаимодействия по значительно более широкому кругу вопросов, связанных с обеспечением региональной стабильности, а также с улучшением глобальной среды безопасности. Он стал первым в истории Союза безопасности документом, в котором предлагается создание общих командных структур, введение процедур постоянного обмена информацией об оперативной обстановке и целый ряд других нововведений, способных привести к постепенному появлению у Союза безопасности качеств и свойств наднационального субъекта. В то же время принятие данного документа в целом выглядит как компромисс, ставший следствием директивного стиля Вашингтона и стремления Токио жёстко отстаивать свои интересы.

Если «Общие стратегические цели» были по своей сути общим заявлением о намерениях и напоминали по своей форме «Совместную декларацию о союзе безопасности на XXI век», то «Доклад от 29 октября 2005 г.» отличается и по форме, и по содержанию от предшествующих японо-американских договоренностей. Структурно он состоит из трёх разделов (глав):

- общий обзор;
- роли, задачи и возможности;
- реорганизация структуры американского контингента в Японии.

Причём наибольший интерес у зарубежных экспертов вызвал заключительный раздел документа, который фактически являлся проектом соглашения об оптимизации структуры американского военного присутствия в Японии³¹. Стороны достигли принципиальной договорённости о значительном сокращении американского контингента в Японии. Семь тысяч морских пехотинцев предполагалось вывести из Окинавы на Гуам (хотя первоначально предполагалось уменьшение их числа на 4–5 тысяч). Предлагалось передислоцировать штаб Первого американского корпуса из Форт Льюис на территорию Японии (в лагерь «Дзатта» префектуры Канагава). Представители американской стороны заявили о готовности провести передислокацию в течение шести лет. Расположенную на Окинаве вертолётную базу

«Футэмма» предлагалось перевести в лагерь морской пехоты «Шваб», где японская сторона предложила построить новую взлётно-посадочную полосу на насыпной территории прибрежного мелководья. Штаб воздушных Сил самообороны планировалось перевести на американскую базу «Ёкота». Тренировочные полёты американских истребителей с расположенной на Окинаве базы «Кадэна» переводились на базы воздушных Сил самообороны в северной части Японии и пр.³²

Япония, в свою очередь, согласилась расширить своё участие в разработке совместной ПРО. При этом, американская сторона получила предварительное согласие на размещение в Японии специальных X-диапазонных радаров раннего обнаружения. Эти радары предполагалось использовать совместно с японскими противоракетными радарными последнего поколения для создания системы раннего предупреждения о возможных ракетных атаках. Информация, полученная с этих радаров, может использоваться для наведения ракет-перехватчиков, размещённых, как на японских, так и на американских эсминцах, оснащённых системами «Иджис».

Стороны также объявили о своем решении создать на авиабазе «Ёкота» японо-американский центр по координации двусторонних и совместных операций. Совместное использование центра должно было обеспечить постоянную связь, координацию и взаимодействие (interoperability) между Силами самообороны и размещёнными в Японии американскими войсками.

Таким образом, в «Докладе от 29 октября 2005 г.» обрели более конкретные формы упомянутые в «Общих стратегических целях» планы сокращения численности американских солдат при одновременном создании инфраструктуры для совместного планирования боевых и гуманитарных операций, а также для сбора информации об оперативной обстановке и её обработки. В данном документе начала просматриваться тенденция к более активному подключению представителей японской стороны к управлению возможными совместными операциями.

Вышеперечисленное может свидетельствовать о сохранении в системе японо-американского диалога по проблемам безопасности элементов своеобразного «размена». Токио в ходе отстаивания собственных интересов, связанных с уменьшением масштабов американского военного присутствия в Японии, использовал заинтересованность Вашингтона в активизации сотрудничества по наиболее важным (с точки зрения национальных интересов США) направлениям, например, созданию эффективной ПРО.

Принятие отдельного соглашения об оптимизации американского военного присутствия в Японии планировалось на первую декаду 2006 г. Переговоры проходили с большим трудом и сопровождались демонстрациями протеста жителей Окинавы. Основной диалог развернулся вокруг финансового вклада Японии в процесс перевода американского контингента на Гуам.

1 мая 2006 г. директор УНО Фукусиро Нукага, министр иностранных дел Японии Таро Асо, министр обороны США Дональд Рамсфельд и госсекретарь США Кондолиза Райс провели заседание Консультативного комитета безопасности. Они приняли рамочное соглашение³³ о передислокации американских военных баз в период до 2014 г. – «Дорожную карту США и Японии по осуществлению передислокации» (далее – «Дорожная карта»), а также было заявлено о повышении роли Сил самообороны в операциях по поддержанию мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Количество американских военнослужащих, которое планировалось вывести на Гуам, достигло восьми тысяч человек вместо согласованных в октябре 2005 г. семи тысяч. Были подтверждены планы перевода базы «Футэмма» и другие моменты передислокации.

В сентябре 2006 г. правительство Японии возглавил Синдзо Абэ, который, по планам своих сторонников в ЛДПЯ, должен был решать весьма сложную задачу, заключающуюся в закреплении достигнутого уровня взаимоотношений с США при одновременном выводе из кризисной ситуации отношений с КНР и РК. Тем не менее, надежды сторонников дальнейшего укрепления японо-американского альянса и опасения противников дальнейшего сближения Вашингтона и Токио, связанные с политическими взглядами С. Абэ, оказались тщетными.

1 мая 2007 г. по итогам очередного заседания Консультативного комитета безопасности, в котором глава оборонного ведомства Японии (Фуmio Кюма) впервые участвовал в ранге министра обороны, стороны приняли очередное совместное заявление. Оно называлось «Трансформация альянса: для развития японо-американского сотрудничества по безопасности и обороне»³⁴ (далее – «Совместное заявление от 1 мая 2007 г.»), и его предлагалось рассматривать как уточненный с учетом новых изменений региональной среды безопасности (ракетные и ядерные испытания Пхеньяна летом 2006 г.) вариант «Общих стратегических целей».

Сразу обращает на себя внимание изъятие из новой версии стратегических целей альянса упоминаний о поиске мирного разрешения для ситуации в Тайваньском проливе, а также о «содействии в полной нормализации российско-японских отношений через разрешение проблемы Северных территорий». По мнению Чжао Хунвэя – китайского эксперта, работающего в настоящее время в Японии, из этого следовало, что инициатором включения тайваньского вопроса (а также вопросов, связанных с российско-японскими отношениями – О.П.) в принятые в феврале 2005 г. «Общие стратегические цели» явилась японская сторона. Подобные идеи в дальнейшем не нашли поддержки у американских партнеров.

В то же время в «Совместном заявлении от 1 мая 2007 г.» стороны объявили о своем намерении развивать сотрудничество в рамках Союза безопасности как с отдельными государствами (такими,

как Австралия, Индия), так и с наднациональными структурами – АТЭС, АСЕАН, НАТО. Это могло быть связано с планами С. Абэ по созданию японо-американо-австрало-индийской демократической системы обеспечения безопасности, основной задачей которой стало бы противостояние занятию Китаем ведущих позиций в Азии³⁵.

Как показали последующие события, планы по созданию на основе японо-американского альянса более широкой системы безопасности с участием Австралии и Индии также не получили дальнейшей поддержки со стороны Вашингтона, не стремящегося затрагивать чувствительную для Пекина индийскую тематику.

В «Совместном заявлении от 1 мая 2007 г.» стороны продемонстрировали приверженность положениям принятых ранее документов по вопросам оптимизации американского военного присутствия в Японии, реализации совместных проектов в области создания инфраструктуры управления и обмена информацией, участия Японии в миротворческих операциях.

Японская сторона подтвердила продолжение своего участия в глобальной политике, в том числе, используя возможности Союза безопасности. В данном контексте стороны обсудили участие Сил самообороны в восстановлении Ирака и в поддержке коалиционных сил, действующих в Индийском океане. Также было подчеркнуто, что в число приоритетных задач Сил самообороны входят международные миротворческие операции, международные операции по ликвидации последствий стихийных бедствий, реагирование на (кризисные – О.П.) ситуации в районах, окружающих Японию. По мнению участников заседания Консультативного комитета безопасности, данный перечень задач отражал понимание важности усилий Японии по улучшению международной среды безопасности. Таким образом, при внимательном рассмотрении данный документ перестает выглядеть как компромиссная (то есть учитывающая негативную реакцию России и Китая) версия «Общих стратегических целей».

Возникает вопрос: почему «Совместное заявление от 1 мая 2007 г.», в значительной степени отражавшее взгляды С. Абэ на дальнейшую эволюцию политики Японии в области безопасности, все-таки оказалось в «тени» документов, разработанных в период, когда правительство Японии возглавлял Дз. Коидзуми? По всей видимости, ответ содержится в следующем. В период, когда работой правительства руководил С. Абэ, серьезно ухудшились японо-американские отношения, что было связано с неспособностью главы правительства обеспечить законодательную поддержку миссии морских Сил самообороны в Индийском океане, ставшей одной из причин его отставки. Решение японских парламентариев по данному вопросу продемонстрировало Вашингтону критический уровень зависимости японской политики в области безопасности от текущей внутривластной конъюнктуры, поставив под сомнение способность японских партнеров обеспечить реа-

■ Международные отношения

лизацию заявленных стратегических целей и задач. Неспособность сдерживать политические обещания, данные американскому союзнику, стала одной из причин отставки С. Абэ в сентябре 2006 г.

Ясуо Фукуда, сменивший С. Абэ на посту премьера, рассматривал в качестве внешнеполитического приоритета улучшение отношений с Китаем. Тем не менее, энергичные усилия именно этого премьера по возобновлению миссии морских Сил самообороны в Индийском океане принесли свои плоды. В феврале 2008 г., за несколько месяцев до отставки Я. Фукуда, японский флот возобновил свою деятельность по заправке топливом в открытом море кораблей ВМС США. Таким образом, Я. Фукуда, которого эксперты воспринимали в качестве «временной компромиссной фигуры», сумел вывести японо-американские отношения в области безопасности из-под очередного удара оппозиции.

Таро Асо, ставший премьер-министром Японии после отставки Я. Фукуда, выступая с программной речью³⁶ в парламенте, сообщил о своих внешнеполитических планах следующее: «Укрепление японо-американского союза. Это всегда на первом месте. Относительно остальных принципов хочу оговориться, что порядок приоритетности определить трудно»³⁷. Подобная иерархия планов и задач была вполне прогнозируема. Т. Асо был политическим единомышленником Дз. Коидзуми и С. Абэ и принимал активное участие в качестве министра иностранных дел в разработке вышеупомянутых программных документов.

Кабинет Т. Асо, стремясь вернуть японо-американскому диалогу по вопросам безопасности динамизм периода 2005–2006 гг., незамедлительно приступил к практическому выполнению «Дорожной карты». 17 февраля 2009 г. в Токио главы дипломатических ведомств Японии и США, Хирофуми Накасонэ и Хиллари Клинтон, подписали японо-американское межправительственное соглашение, касавшееся передислокации личного состава Третьего экспедиционного корпуса морской пехоты США вместе с членами семей из Окинавы на Гуам³⁸).

В этом соглашении были конкретизированы вопросы финансового вклада (сроки и размеры платежей) Японии в создание инфраструктуры для базирования американских войск на Гуаме. В тексте «Гуамского договора» в качестве обязательного условия выполнения американской стороной своих обязательств по передислокации было признано соблюдение японским правительством положений «Дорожной карты» в части, касающейся перевода базы «Футэмма».

«Гуамский договор» стал первым в истории международных отношений соглашением, в котором принимающая сторона берет на себя большую часть финансовых затрат (6 млрд. 90 млн. долл. из общей суммы расходов в 10 млрд. 270 млн. долл.), связанных с осуществлением вывода со своей территории союзного воинского контингента. Стороны объяснили применение подобной практики сильным желанием населения Окинавы добиться

скорейшего вывода американских баз. С учетом отношения значительной части японцев к американским базам как к наследию оккупационного режима, данное решение Токио можно рассматривать как желание правительства сделать все возможное для смягчения сохраняющегося среди населения ощущения «неполного суверенитета».

Тем не менее, вскоре после подписания «Гуамского договора», будущее японо-американских отношений в области безопасности оказалось в ситуации неопределенности, хотя и в значительно меньшей степени, чем в период 90-х гг. прошлого столетия.

Дело в том, что в начале своей работы в качестве главы кабинета Т. Асо вынужден был сосредоточиться на подготовке ЛДПЯ, лидером которой он в тот момент являлся, к участию в предстоящих осенью 2009 г. выборах в японский парламент. После сокрушительного поражения ЛДПЯ на парламентских выборах (30 августа 2009 г.) Т. Асо заявил о своей отставке с должностей главы правительства и председателя партии.

С новым премьер-министром Ю. Хатоямой многие в Японии и за ее пределами связывали ожидание наступления новой политической эпохи, за харизматичность журналисты называли его «японским Обамой». В ходе своей предвыборной кампании Ю. Хатояма весьма уверенно заявлял о намерении превратить Союз безопасности в равноправный альянс. Населению Окинавы было дано обещание вывести военную базу «Футэмма» за пределы данной префектуры. Вместе с тем, последующие события показали, что реальные интересы безопасности Японии окажутся сильнее предвыборных обещаний и политических планов.

В течение первых трёх месяцев своей работы кабинет Ю. Хатоямы действовал в соответствии со своими предвыборными обещаниями, пытаясь вернуть Союз безопасности к состоянию почти десятилетней давности. В частности, было прекращено оказание морскими Силами самообороны тыловой поддержки действиям антитеррористической коалиции.

Наиболее чувствительным ударом не только по японо-американским отношениям, но и непосредственно по национальным интересам США, стало требование пересмотра положений «Дорожной карты» (фактически речь шла о разрыве соглашения) в части, касающейся перебазирования американской базы «Футэмма». Японская сторона настаивала на выводе базы за пределы префектуры Окинава, что нарушало планы перемещения военного контингента на Гуам в рамках реализации американской военной стратегии³⁹.

Вашингтон, в свою очередь, вел переговоры с правительством Ю. Хатоямы, используя хорошо отработанный «директивный стиль» взаимоотношений со своими азиатскими союзниками. Единственным компромиссом стало согласие Вашингтона рассматривать альтернативные варианты перемещения базы «Футэмма» с учетом пожеланий местных властей, но строго в пределах префектуры Окинава, например, на остров

Токуносима. После того, как мэры трех японских городов, находящихся на этом острове, направили в апреле 2010 г. письмо американскому президенту с просьбой не размещать базу на острове, желание американской стороны учитывать пожелания местных властей исчезло. Вскоре выяснилось, что в условиях крайне нестабильного состояния региональной среды безопасности для премьер-министра Японии было весьма опрометчиво продолжать играть роль «оппозиционера», критикующего одно из наиболее крупных достижений ЛДПЯ – упрочившийся японо-американский альянс⁴⁰.

После потопления 20 мая 2010 г. предположительно северокарейской подлодкой южнокорейского корвета произошло резкое обострение ситуации на Корейском полуострове. Для лидеров ДПЯ не являлось большим секретом, что в случае возможного военного конфликта северокарейский режим может сделать последнюю ставку на угрозу нанесения ракетного удара по Японии с тем, чтобы сыграть на традиционно высоких антияпонских настроениях среди населения Республики Корея. Кроме того, американские военные и дипломаты могли теперь в свою очередь игнорировать мнения японских коллег при планировании и осуществлении возможных политических и военных акций в отношении Пхеньяна. В подобной обстановке государственному секретарю США Хиллари Клинтон, совершавшей дипломатическую поездку по странам Восточной Азии, удалось быстро убедить японских партнеров согласиться с основными положениями достигнутых в 2005–2006 гг. договоренностей об оптимизации американского военного присутствия в Японии. Соглашение было достигнуто 28 мая 2010 г. в ходе телефонного разговора между Ю. Хатоямой и Б. Обамой. В ходе состоявшегося в этот же день заседания Консультативного комитета безопасности было обнародовано Совместное заявление (далее – «Совместное заявление от 28 мая 2009 г.»)⁴¹. В нём, в частности, было отмечено, что последние события в Азиатско-Тихоокеанском регионе убедили стороны в важности Союза безопасности.

Стороны подтвердили свою приверженность принятым ранее документам по вопросам оптимизации американского военного присутствия в Японии – «Дорожной карты» и «Гуамского договора», договорившись изучить технические детали передислокации базы «Футэмма» до конца августа 2009 г. (что в итоге и было сделано)⁴², а их верификацию и валидацию завершить к следующему заседанию Консультативного комитета безопасности.

В качестве компромисса Вашингтон согласился с предложением Токио перенести проведение учений войск США и совместных маневров за пределы острова Окинава, например, на остров Токуносима либо в другие районы Японии. Стороны также согласились изучить возможность проведения учений за пределами Японии, в частности, на Гуаме.

Впервые в структуре документа США и Японии, касающегося сотрудничества в военно-по-

литической сфере, появляется раздел, касающийся защиты окружающей среды. Вводится новый принцип «Зеленого альянса» (Green Alliance), подразумевающий использование передовых энергетических технологий как при осуществлении базирования американских войск в Японии, так и при их передислокации на Гуам⁴³. Стороны также предусмотрели возможность заключения соглашений, касающихся возможности доступа на американские военные объекты с целью экологического контроля.

Новые договоренности с Вашингтоном привели к расколу внутри правящей коалиции и стали одной из причин отставки Ю. Хатоямы с постов руководителя кабинета и председателя партии. В качестве слабого утешения, Ю. Хатояма может вспомнить о том, что состоявшееся полвека назад подписание Договора безопасности также вызвало в Японии серьезный внутриполитический кризис и стало одной из причин отставки Нобусукэ Киси с поста премьер-министра⁴⁴.

Новый премьер-министр Японии Наото Кан ещё до своего официального вступления в должность заверил американского президента (в ходе телефонного разговора) в своем намерении придерживаться японо-американских договоренностей по вопросам передислокации⁴⁵.

Н. Кан, отличающийся от Ю. Хатоямы большей прагматичностью, исходит из того, что вопросы безопасности Японии, находящейся в регионе, где сильнее всего ощущается наследие «холодной войны» (проблема разделенных государств, ядерный фактор, гонка вооружений) являются приоритетными по отношению к предвыборным обещаниям ДПЯ. В итоге, 17 декабря 2010 г. правительство Японии утвердило (впервые в послевоенной истории Японии без участия представителей ЛДПЯ) новые «Основные направления программы национальной обороны»⁴⁶ (далее – «новые Основные направления»). Данный документ отражает новые тенденции в региональной среде безопасности, причем некоторые из предложенных японским правительством оценок требуют дальнейшего разъяснения, например, упоминание об активизации военной деятельности России в Дальневосточном регионе. Тем не менее, в целом, очевидна преемственность положений нового документа и «Основных направлений от 2004 г.».

Разработка проекта «новых Основных направлений» началась в августе 2009 г. Советом по безопасности и оборонным возможностям⁴⁷ – группой личных советников Т. Асо, известной как «комиссия Кацумата» (по имени возглавлявшего её Цунэхиса Кацумата), совместно с Советом по пересмотру «Основных направлений программы национальной обороны» при Министерстве обороны Японии. Утверждение итогового документа, запланированное на конец 2009 г., не состоялось по причине ухода кабинета Т. Асо в отставку и отсутствия у нового правительства согласованной позиции по данному вопросу.

Хотя Ю. Хатояма инициировал создание экспертной группы, известной как Совет по на-

■ Международные отношения

циональной безопасности и оборонному строительству в новую эру⁴⁸ (под руководством Сато Сигэо), «новые Основные направления» в большей степени основаны на рекомендациях⁴⁹ экспертов «комиссии Кацумата». По всей видимости, предложения «мозгового центра» С. Сигэо были восприняты правительством Н. Кана как излишне дискуссионные, в связи с чем они могут представлять интерес скорее как индикатор возможных направлений дальнейшего развития политики Японии в области безопасности.

«Новые Основные направления» содержат концепцию «динамичных оборонительных сил» (дотэки боэйрёку), нацеленную на эффективное сдерживание и реагирование на наиболее вероятные угрозы безопасности Японии, а также внесение существенного вклада в обеспечение стабильности на региональном и глобальном уровнях. Для достижения данных целей предлагается выстроить гибкую многофункциональную структуру, включающую мобильные силы для реагирования на различные вызовы безопасности Японии (например, нападение на отдаленные острова), дополненную развитием двустороннего и многостороннего сотрудничества для противодействия нетрадиционным вызовам безопасности.

Анализ содержания «новых Основных направлений» позволяет предположить, что у Токио появляется готовность более активно реагировать на изменения региональной среды безопасности. Оценка Союза безопасности как необходимого элемента японской оборонной политики, а также предложение продолжать стратегический диалог с США по вопросам его дальнейшей модернизации могли быть положительно восприняты в Вашингтоне. Кроме того, Япония заявила о желании развивать сотрудничество с США в новых областях, например, в сфере безопасности киберпространства.

Представители экспертного сообщества США в своих оценках перспектив американо-японского сотрудничества в сфере безопасности предпочитали менее оптимистическую тональность. Они исходили из того, что конституционные, бюджетные, экспортные и другие виды самоограничений, сохраняющиеся в военной и смежных с ней областях, в совокупности с объективными факторами станут серьезными препятствиями для превращения Японии в «активного и самостоятельного регионального актора в ближайшей перспективе»⁵⁰.

Возвращаясь к идее Ю. Хатоямы о создании «равноправного» альянса, в целом поддерживаемой его соратниками по ДПЯ, целесообразно проанализировать возможные варианты достижения большего равноправия Японии в отношениях с США. И в Токио, и в Вашингтоне согласны с тем, что Союз безопасности является асимметричным военным альянсом. Однако, при этом критики Союза безопасности с японской стороны обычно имеют в виду асимметрию прав участников альянса, подразумевая подчиненное положение Японии в рамках японо-американского диалога по военным и политическим вопросам. Амери-

канская сторона, в свою очередь, справедливо подчеркивает асимметрию военных обязательств участников альянса, забывая при этом упомянуть о неравных военных возможностях.

Тем не менее, представители ЛДПЯ в 2005–2006 гг. предложили достаточно реалистичный путь к построению более симметричных отношений в рамках Союза безопасности. Речь шла о модели взаимодополняющего сотрудничества, основанной на принципе так называемого поэтапного подхода⁵¹. Суть его состояла в том, что Япония могла бы более эффективно дополнять военный потенциал США участием в совместной ПРО и оказанием своему союзнику логистической, информационной и других видов поддержки. Ценность Японии в качестве военного союзника также заключается в преимуществах ее географического положения и в том, что в настоящее время эта страна является единственной классической морской державой среди азиатских государств. Без подобной поддержки бремя военных и финансовых затрат США по защите собственных интересов на региональном и глобальном уровнях может оказаться критическим даже для сверхдержавы.

Если же исходить из интересов не только Вашингтона и Токио, но и всего мирового сообщества, то представляется более целесообразным использовать возможности Союза безопасности для наращивания участия Японии в разрешении таких глобальных проблем, как эрозия режима нераспространения, борьба с пиратством, ликвидация последствий масштабных стихийных бедствий. Но почему было необходимо в совместных документах США и Японии упоминать сотрудничество по гуманитарным проблемам в одном ряду с такими вопросами, как участие Токио в американских планах по созданию ПРО?

Впрочем, после прихода в Белый дом Барака Обамы наметились определенные изменения. В совместном заявлении Консультативного комитета безопасности⁵², посвященном пятидесятилетнему подписанию Договора безопасности (далее – «Совместное заявление от 19 января 2010 г.»), основные акценты были расставлены на политических аспектах Союза безопасности. К числу глобальных угроз были отнесены: кризис режима нераспространения; международный терроризм; пиратство. Планы по созданию совместной ПРО не были упомянуты сторонами в качестве отдельного направления японо-американского взаимодействия. Видимо, из-за отсутствия у Вашингтона намерения лишний раз затрагивать нежелательную для других региональных акторов тематику.

Кроме того, из текста «Совместного заявления от 19 января 2010 г.» можно сделать вывод о том, что значительно изменилась внутренняя основа Союза безопасности: он эволюционировал от ориентации на общие интересы к предпочтению общих ценностей, то есть идеалов демократии, приверженности правам человека и верховенству закона. Но здесь сразу необходимо пояснить, что Япония регулярно попадает в документы ООН и отчеты международных правозащитных органи-

заций в связи с неблагополучной ситуацией по таким вопросам, как иммиграционная политика, ксенофобия, применение смертной казни. Т. Асо до своего избрания на пост премьер-министра Японии подвергался критике за оскорбительные высказывания в адрес японских париев – буракumin⁵³.

Полувековой период существования двустороннего военно-политического пакта – уже само по себе заметное достижение. Союз безопасности, созданный в начале «холодной войны» в качестве одного из звеньев системы геополитического окружения СССР, доказал свою конкурентоспособность перед выглядевшими более перспективными многосторонними пактами и системами коллективной безопасности. Союз безопасности не был статичным конструктом, в частности, в его рамках постепенно была создана институциональная основа. Например, популярный сегодня в межгосударственных отношениях формат «два плюс два» обязан своему появлению проводимым с 70-х годов прошлого столетия заседаниям Консультативного комитета безопасности. С позиции наших дней послевоенная история взаимодействия Вашингтона и Токио в области безопасности является одним из наиболее успешных примеров разрешения ситуации «победитель – побеждённый»⁵⁴.

В то же время, в японо-американских отношениях в области безопасности не разрешен ряд серьезных проблем, к которым можно отнести слишком высокую степень зависимости отношений Токио с Вашингтоном в военной области от текущего состояния внутривосточной ситуации в Японии. Японские политики еще не смогли предложить своим избирателям внятный ответ на вопрос о том, до какой степени в современном мире независимое государство может полагаться при обеспечении своей безопасности на военные гарантии другой страны, пусть даже такой мощной, как США. В японских СМИ продолжается

активная дискуссия о том, что будет происходить в ситуации, если союзнические обязательства США перестанут совпадать с их национальными интересами. Американские военные базы, сохранившиеся на территории Японии, воспринимаются населением Японии как наследие периода оккупационного режима.

В Вашингтоне, в свою очередь, критикуют Японию за «потребительский» подход к отношениям с США в военной области. Американским военным часто недостает понимания особенностей японского менталитета, в частности, стремления бережно использовать каждый «дюйм» территории своей страны, у них всё ещё сохраняются некоторые элементы подходов «победителя» в отношении к своему военному союзнику.

Кризисная ситуация в японо-американских отношениях⁵⁵, которую мы наблюдали в первой половине 2010 г., продемонстрировала, что и спустя пятьдесят лет после основания Союза безопасности его сущность мало изменилась, он сохраняет классические признаки альянса лидерского типа⁵⁶.

Paramonov O.G. The Adaptation of the Japan – US Alliance to Challenges of the New Century: Successes and Failures.

Summary: *The main events of the Japan – US security dialogue are considered in the article "The adaptation of the Japan – US alliance to Challenges of the New Century: Successes and Failures" in the context of the adaptation of the Japan – US security alliance (further – Alliance) to the security environment changes in the beginning of the 21st century. The aspiration of Tokyo to use possibilities of the Alliance for increasing Japan's role in the regional and global policy, as well as attempts of Japan to formulate own national interests by means of joint documents of the Alliance, are especially appreciable at that time. The new program basis is developed with the purpose of redirecting the Alliance from the common threats counteraction towards the protection of shared interests and values.*

Ключевые слова

японо-американский Союз безопасности, Общие стратегические цели, Гуамский договор, Дорожная карта США и Японии по осуществлению передислокации, региональная среда безопасности.

Keywords

Japan – US security alliance, Common Strategic Objectives, Guam Treaty, United States – Japan Roadmap for Realignment Implementation, regional security environment.

Примечания

1. Нихон то амэрика госюкоку то–но кан–но госокёрёку оёби андзэнхосёдзёяку (нитибэйамподзёяку)–но сёмэй годзюсёнэн–ни ататтэ–но найкакусоридайджин–но данва, 19.01.2010 [Электронный источник] / Сюсё кантэй – URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/hatoyama/statement/201001/19danwa.htm>
2. Там же.
3. Там же.
4. Подробнее см.: Япония эпохи Коидзуми: оценки и перспективы / под ред. В.Б. Рамзеса. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 351 с.
5. Заседания Консультативного комитета безопасности с участием глав дипломатических и оборонных ведомств двух стран также часто называют «Встречи два плюс два».
6. Joint Statement of the US–Japan Security Consultative Committee. December 16, 2002 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/joint0212.html>

■ Международные отношения

7. В экспертном сообществе, в том числе среди российских японоведов, существует точка зрения о фактическом отсутствии у Японии самостоятельной внешней политики. Данной позиции придерживается, в частности, Чрезвычайный и Полномочный Посол Г.Ф. Кунадзе.
8. Ещё в середине 90-х гг. прошлого столетия в Японии на использование термина «национальные интересы» (кокуэки) в СМИ и научных изданиях применительно к политике Японии было наложено своеобразное «табу». Сегодня ситуация изменилась и японские политологи активно дискутируют о природе данного понятия и специфике возможных национальных интересов Японии.
9. В качестве примера здесь можно привести «Основной курс в области обороны» (Кокубо-но кихон хосин), принятый в 1957 г. и являющийся первым программным документом Японии в области безопасности.
10. Koike Y. How to Undermine an Alliance [Electronic resource] / Project Syndicate. Prague, 2010. – URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/koike1/English>
11. Об итогах работы данных экспертных групп подробнее см.: Парамонов О.Г. Японо-американская система ПРО: политический и региональный аспекты // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 100–101.
12. Recommendations on Japan's New Defense Policy: Toward a Safer and More Secure Japan and the World. Liberal Democratic Party, National Defense Division and Policy Research Council, Defense Policy Studies Subcommittee, March 30, 2004 [Electronic resource] / Liberal Democratic Party of Japan. – URL: <http://www.jimin.jp/jimin/saishin04/pdf/seisaku-006E.pdf> Japan's Visions for Future Security and Defense Capabilities [Electronic resource] / Council on Security and Defense Capabilities. Tokyo, October 2004. – URL: <http://www.jiaponline.org/resources/japan/security/Japan%20ReportCSDC%20Report.pdf>
13. National Defense Program Guidelines. December 10, 2004, FY 2005 [Electronic resource] / Japan Ministry of Defense. – URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/national_guideline.pdf
14. В Основных направлениях от 1995 г. не назывались конкретные государства и говорилось лишь о «странах с масштабными вооруженными силами, располагающими ядерными возможностями» и о «напряженности на Корейском полуострове».
15. Новые «Основные направления программы национальной обороны» Японии были приняты в декабре 2010 г., то есть с задержкой на один год (подробнее – см. ниже).
16. Joint Statement of the US–Japan Security Consultative Committee. February 19, 2005 [Electronic resource] / U.S. Department of State. – URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/42490.htm>
17. Первым документом подобного рода в истории японо-американских отношений стала принятая в 1996 г. «Совместная декларация о союзе безопасности на XXI век».
18. В частности, во вступительной части «Общих стратегических целей» было заявлено, что «министры (в том числе и подписавший документ директор Управления национальной обороны Японии Ё. Оно – О.П.) выразили уверенность в том, что противоракетная оборона (ПРО) увеличит наши способности по противодействию распространению ядерных ракет и воздействию на другие страны с целью отказа от разработки баллистических ракет».
19. Подробнее о документе см.: Бунин В.Н. Японо-американский союз безопасности: история и современность (К 50-летию со дня основания). М.: ООО «Иолана», 2000. С. 116–129.
20. О реакции России и КНР на появление данного документа подробнее см.: Парамонов О.Г. Развитие японо-американского сотрудничества в военно-политической сфере в контексте интересов России и КНР // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерение / под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО – Университет, 2009. С. 165–173.
21. Secretary Condoleezza Rice. Remarks at Sophia University. March 21, 2005 [Electronic resource] / U.S. Department of State. – URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2005/43655.htm>
22. Japan–U.S. Joint Declaration on Security – Alliance for the 21st Century (1996) [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/security.html>
23. Дело в том, что активное участие первого лица страны в разработке базовых документов, определяющих политику безопасности, в некоторой степени «привязывает» данные документы к политической судьбе конкретного главы государства или правительства. Для Японии это обстоятельство особенно актуально в связи с тем, что политическая карьера японских премьеров является непредсказуемой и часто сопровождается политическими скандалами и досрочными отставками (в качестве иллюстрации здесь можно привести политические судьбы Нобусукэ Киси, Какуэй Танака, а также Рютаро Хасимото).
24. Okhushi Y. Realignment of the U.S. Forces and Impacts on Defense of Japan // DRC Annual Report. Tokyo, 2005. P. 47.
25. Квартал в центре Токио, где находятся парламент, здания министерств (кроме министерства обороны) и других главных административных учреждений.
26. Подробнее см.: Иванов О.П. Военная сила в глобальной стратегии США. М.: Восток-Запад, 2008. 198 с.
27. Schoff J. The Current State of US–Japan Dialogue: A Strategic Pause, or an Opportunity Slipping Away? [Electronic resource] / The Institute for Foreign Policy Analysis, Washington. – URL: http://www.ifpa.org-pdf-Sekai_Shuno_Article_Final_English_2005_Oct_06.pdf.url
28. Действующие «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны» были утверждены в 1997 г. На возможность принятия в конце 2006 г. новых Руководящих принципов указывали многие эксперты. См., например: Hwang B. Japan's New Security Outlook: Implications for the United States [Electronic resource] / Heritage Foundation, Background. Washington, 2005. №. 1865. – 6 p. – URL: http://s3.amazonaws.com/thf_media/2005/pdf/bg1865.pdf Berkofsky A. Japan shows some muscle // Asia Times. 2005, June 21.
29. The Guidelines for Japan–US Defense Cooperation. September 23, 1997. [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/gideline2.html>
30. U.S.–Japan Alliance: Transformation and Realignment for the Future. Security Consultative Committee Document [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/doc0510.html>
31. Разработку рамочного соглашения по данному вопросу стороны планировали завершить к марту 2006 г. Данный вопрос также обсуждался во время визита Дж. Буша-мл. в Японию 16 ноября 2005 г. в ходе азиатского турне президента.
32. Вопросы оптимизации структуры американского военного присутствия в Японии, в том числе с учетом проблем для населения российского Дальнего Востока в связи с переводом части военных объектов в северную часть Японии, предполагаются автором к подробному рассмотрению в одной из последующих публикаций.
33. United States–Japan Roadmap for Realignment Implementation [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/doc0605.html>

34. "Alliance Transformation: Advancing United States–Japan Security and Defense Cooperation". Joint Statement of the US–Japan Security Consultative Committee. May 1, 2007 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/doc0605.html>
35. Хунвэй Ч. Японо–китайские отношения и внешняя политика Ху Цзиньтао // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерение / под ред. А.В. Лукина. М.:МГИМО – Университет, 2009. С. 194–195.
36. Программная речь Премьер–министра Японии Таро Асо на 170–й сессии Парламента (29 сентября 2008 г.) [Электронный источник] / Посольство Японии в России. . – URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/NEWS/PERFORMANCE/PRIMEMINISTER/Policy_Speech_170th_%20DietSession.html
37. Там же.
38. Agreement between the Government of Japan and the Government of the United States of America Concerning the Implementation of the Relocation of III Marine Expeditionary Force Personnel and Their Dependents from Okinawa to Guam. February 17, 2009 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/agree0902.pdf>
39. Японский эксперт Масахиро Мацумура высказывает кажущееся дискуссионным предположение о том, что политический расчёт Ю. Хатоямы состоял в возможности извлечения определенной выгоды для безопасности Японии и в случае срыва переговоров. Matsumura M. What Does Japan Want from America? [Electronic resource] / Project Syndicate. Prague, 2010. – URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/matsumura4/Russian>
40. Koike Y. How to Undermine an Alliance [Electronic resource] / Project Syndicate. Prague, 2010. – URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/koike1/English>.
41. Joint Statement of the US–Japan Security Consultative Committee. May 28, 2010 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/joint1005.html>.
42. Futenma Replacement Facility Bilateral Experts Study Group Report August 31, 2010 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/pdfs/futenma-report1008.pdf>
43. См. также: Outcomes of the Comprehensive Review of Host Nation Support (HNS) and the New Special Measures Agreement (SMA) December 14, 2010 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/hns_sma1012.htm
44. Н. Киси, которому Союз безопасности обязан своим появлением и которого по прошествии нескольких десятилетий японцы начинают оценивать как выдающегося государственного деятеля послевоенного периода, исходил из того, что подписание пакта с Вашингтоном станет первым шагом в деле восстановления реального суверенитета.
45. Naoto Kan, Barack Obama affirm Japan-US alliance: White House / The Times of India Jun 6, 2010. . – URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/world/us/Naoto-Kan-Barack-Obama-affirm-Japan-US-alliance-White-House/articleshow/6016767.cms>
46. Хэйсэй нидзюсан нэндоико-ни какару бозэй кэйкаку-но тайко, 17.12.2010 [Электронный источник] / Бозэйсё. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/joint1001.html>
47. Андзэнхосё то бозэйрёку-ни кансуру конданкай
48. Аратана дзидай-но андзэнхосё то бозэйрёку-ни кансуру конданкай
49. Андзэнхосё то бозэйрёку-ни кансуру конданкай, 08.2009 [Электронный источник] / Кантэй. – URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/ampoboue12/200908houkoku.pdf>
50. Adam P. Liff Japan's 2010 National Defense Program Guidelines – Reading the Tea Leaves / Asia Pacific Bulletin, Number 89, December 22, 2010 [Electronic resource] // East-West Center. – URL: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/apb089_1.pdf
51. incremental approach
52. Joint Statement of the U.S.–Japan Security Consultative Committee Marking the 50th Anniversary of the Signing of the U.S.–Japan Treaty of Mutual Cooperation and Security. January 19, 2010 [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/joint1001.html>
53. Подробнее о ситуации с буракумин и других проблемах с правами человека в Японии см.: Парамонов О.Г. Некоторые аспекты ситуации с правами человека в Японии: история и современность // Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерение / под ред. А.В. Лукина. М.:МГИМО – Университет, 2009. С.53–72.
54. Г.Ф. Кунадзе в своих лекциях в МГИМО(У) МИД России высказал предположение о том, что использование Вашингтоном положительного опыта оккупационной администрации Д. Маккартура отчасти могло бы помочь избежать серьезных неудач, сопровождающих постконфликтное урегулирование в Ираке.
55. Японский эксперт Такаси Каваками предположил, что разрыв договоренностей по передислокации войск мог быть сопоставим с выходом Японии в 30–х годах прошлого столетия из Лиги Наций. Цит по: Ito M. As security pact with U.S. turns 50, Japan looks to redefine relations. [Electronic resource] / The Japan Times. Jan. 19, 2010. – URL: <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nn20100119f1.html>
56. Подробнее см.: Богатуров А. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» смоорганизации международных отношений в Азии / Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 272–282.